

«Я СРАЗУ УВИДЕЛ <...> ЧТО МЕНЯ ПРИНИМАЮТ НЕ ЗА ТОГО»

А.В.Кошелев

*(кандидат филологических наук, доцент,**Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)*

Статтю присвячено новгородському відрядженню А.В.Евальда і його сприйняттю торжеств на честь відкриття пам'ятника Тисячоліттю Росії, що знайшло відображення в літературній творчості маловідомого нині письменника.

The article is devoted to the A.V. Ewald's Novgorod trip and his perception of the celebrations which were held in honor of the opening of the monument Millennium of Russia. It was reflected in the literary works of today little-known writer.

В Государственном историческом архиве Новгородской области сохранилось официальное письмо из Министерства просвещения, датированное 28-м августа 1862 года и адресованное новгородскому губернатору В.Я. Скарятину. Вот оно:

«Милостивый государь Владимир Яковлевич!

По приглашению редакции «С.-Петербургских академических ведомостей» один из сотрудников этой газеты, отставной штабс-капитан Аркадий Васильевич Эвальд принял на себя составление статьи о предстоящем в Новгороде открытии памятника Тысячелетию России.

Зная г.<осподина> Эвальда как писателя весьма даровитого и благонамеренного, обратившего на себя внимание прекрасною статьею «Учиться или не учиться» - я вменяю себе в долг покорнейше просить Ваше превосходительство оказать г.<осподину> Эвальду Ваше покровительство и зависящее от Вас, по званию начальника губернии, содействие по предпринятому им весьма похвальному труду к предстоящему в Новгороде открытию памятника Тысячелетию России» [1].

8-10 сентября 1862 года в России отмечался тысячелетний юбилей государства. Центром торжеств был избран Новгород; к этому времени в небольшой губернский город прибыло большое количество людей: войска для участия в параде, члены царской фамилии, многочисленные обыватели, пожелавшие лично присутствовать на празднике. Это создавало естественные проблемы с размещением гостей, в том числе и столичного журналиста.

Под газетой, упомянутой в письме, имеются в виду «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемые в типографии Академии наук. Статьи с обозначенным в письме заглавием в июльских-августовских номерах газеты обнаружить не удалось. В сентябрьских же номерах «Ведомостей» публиковалась большая статья «Праздник тысячелетия России (от нашего корреспондента)» за авторством Эвальда [см.: 2]. По всей видимости, он не был постоянным и деятельным сотрудником «Санкт-Петербургских ведомостей»: во всяком случае, статья о новгородском празднике была единственным материалом, опубликованным в газете в середине 1862 года. Можно предположить, что упомянутая статья была написана в ответ на услугу, оказанную министром.

Имя Аркадия Васильевича Эвальда (1834-1898) мало известно в настоящее время (см. краткий биографический очерк о нем, опубликованный в издании [3, 611-616]. Там же изданы отрывки из воспоминаний самого Эвальда [3, 617-629]. Определенные наблюдения по избранной проблематике были опубликованы в статье [4, 9-15]). Его творческий путь не был продолжительным и плодотворным; самым ярким периодом его журналистской деятельности стал 1862 год, на протяжении которого он сотрудничал в «Отечественных записках» А.А. Краевского. В журнале он выступил главным образом с серией фельетонов под общим заглавием-оксюмороном «Все и ничего» и эпиграфом: «Вали все в кучу – после разберем» (вся серия подписана: -дъ).

Новгородская командировка была особенно памятна Эвальду; письмо, приведенное выше, сыграло свою роль и в его восприятии торжеств, и города, в котором они проходили. К

новгородскому празднику Эвальд в своем творчестве возвращался трижды: в «Санкт-Петербургских ведомостях», в фельетонах «Отечественных записок», а также в позднейших воспоминаниях.

В своих мемуарах Эвальд подробно описывает обстоятельства командировки в Новгород. Узнав о дороговизне новгородских гостиниц, стола, извозчиков и пр. (многие мемуаристы вспоминали, что новгородцы объясняли резкий подъем цен тем, что «мы этого (т.е. праздника 1862 г. – А.К.) тысячу лет ждали!»), Краевский, чтобы сэкономить командировочные расходы корреспондента, «обратился к министру народного просвещения, Головнину, с которым был в очень хороших отношениях, и просил его содействия.

Головнин распорядился приказать директору новгородской гимназии, чтобы для меня было отведено помещение в здании гимназии. Сверх того, содействие Головнина выразилось в том, что он снабдил меня рекомендательными письмами к шефу жандармов (В.А. Долгорукову – А.К.), а также министрам: военному (Д.А. Милютину – А.К.), двора (В.Ф. Адлербергу – А.К.) и путей сообщения (П.П. Мельникову – А.К.)» [5, 78-79].

На самом деле А.В. Головнин обратился не к директору, а к новгородскому губернатору, при этом не был до конца искренен с ним, когда представил журналиста в качестве сотрудника официальных «Ведомостей», а не частных «Отечественных записок». Скарятин сделал соответствующие распоряжения (другие письма, упомянутые Эвальдом в его воспоминаниях, неизвестны), и корреспондента, за отсутствием в Новгороде другого свободного жилья, поселили в здании новгородской мужской гимназии.

«На другой день, - продолжил Эвальд свои воспоминания, - я отправился к директору и был встречен так официально и так торжественно, как встречают только какое-нибудь высшее начальство. Все воспитанники, остававшиеся в гимназии, были выстроены в одном из зал в новых мундирах; тут же присутствовали некоторые наставники. Директор, почтительно идя около меня, предложил осмотреть гимназию...

Я сразу увидел из всего этого, что меня принимают не за того, кто я есть, и что мне навязывают, так сказать, роль Хлестакова. Совершенно сконфуженный, я остановился в первой же комнате и объявил директору, что зашел повидать только его лично, чтобы поблагодарить за устройство мне квартиры с такой роскошью, в какой я вовсе не нуждался, что я очень занят своими обязанностями корреспондента, должен ехать сейчас же с некоторыми визитами и не имею ни одной свободной минуты для осмотра гимназии или чего бы то ни было. У меня в Новгороде был знакомый, отставной полковник Саханский, который, как я знал, в свою очередь вел знакомство с директором гимназии. Поэтому в тот же день я поехал к нему, объяснил, в чем дело, и просил сообщить о моем смешном положении, в которое поставил меня директор. На другой день Саханский заехал ко мне и со смехом передал, что в гимназии действительно приняли меня за лицо, близкое к министру и присланное им для обозрения ее инкогнито. Но этого мало. Саханский прибавил, что, несмотря на его разъяснения и доказательства, директор все-таки остался при своем убеждении, что главная цель моего приезда – тайная ревизия гимназии, и что я только прикидываюсь корреспондентом «Голоса». Иначе он никак не мог себе объяснить распоряжения министра об отводе мне квартиры» [5, 78-79].

Гоголь, разочарованный постановкой своей комедии в 1836 году, написал несколько статей, в которых пытался объяснить смысл «Ревизора». В «Театральном разезде после представления новой комедии» он отметил по поводу города: «Это — сборное место: отовсюду, из разных углов России, стекались исключения из правды, заблуждения и злоупотребления <...>» [6, 180]. Эвальд, оказавшись в Новгороде, почувствовал себя именно в таком «месте».

Любопытно сопоставление себя с Хлестаковым, раскрытое Эвальдом в воспоминаниях. Современный исследователь справедливо писал об особой «комедийной концепции» «Ревизора», выраженной в трех специфических эффектах. Это, во-первых, «эффект необъяснения» («Гоголь никак не объясняет, почему «обманулись» чиновники уездного города»). Во-вторых, «эффект незаинтересованности». «Самое активное участие в сюжете о «мнимом ревизоре» принимают <...> те лица (т.е. Бобчинский и Добчинский, неслужащие помещики, постоянно проживающие в городе – А.К.), которые оказались вовлечены в интригу

от скуки. И, наконец, в-третьих, «эффект неведения» («Хлестаков, оказавшийся источником всеобщего обмана, сам никого не обманывает») [7, 96-97].

Эта комедийная концепция «Ревизора» гораздо полнее отразилась именно в «новгородском» эпизоде воспоминаний Эвальда, чем в многочисленных сюжетах о мнимом ревизоре (см. подробнее [8, 14-20]). Вспомним один известнейший факт на этот счет, случившийся городе Устюжна в 1829 году. Тогда Устюжну, проездом из Вологды, под видом значительного лица, посетил литератор Платон Волков (по свидетельству В.А. Соллогуба, этот исторический эпизод мог быть известен Гоголю [см.: 9, 78]. См. также об «устюженской» истории [10, 145-153; 11, 124-152 и др.]). Он намеренно изображал из себя загадочного человека, чем и привлек внимание подозрительных чиновников. См., например, письмо обеспокоенного Августа Дефнера (в 20-е годы XIX века - новгородского губернатора) к устюженскому градоначальнику И.А. Макшееву: «...некто в партикулярном платье с мальтийским знаком, проживает во вверенном Вам городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того, к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей, даже и сами Вы не знаете, почему необходимостью считаю иметь от Вас сведения, по какому случаю проживал он в Устюжне, не входил ли он в общественные собрания и присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне, спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить» [10, 147].

Напротив, Эвальд в Новгороде не скрывал, что к надзорным органам он никакого отношения не имеет (об этом писал и Головнин), но напуганные чиновники не поверили не только журналисту, но и министру.

Устюженский эпизод имел свое продолжение в конце XIX века. К этому времени в исследовательской литературе активно обсуждалось, что одним из источников сюжета комедии стала именно устюженская история. С опровержениями этой точки зрения выступил сын градоначальника, А.И. Макшеев, написавший «Заметку, касающуюся «Ревизора» Гоголя». В ней он, пытаясь очистить светлую память отца, доказывал, что Гоголь имел в виду совсем не Устюжну (свои доводы Макшеев-сын оформил в письме к устюженскому краеведу А.А. Поздееву, который опубликовал его в 1953 году).

«Гоголь не мог, конечно, писать портреты лиц, совершенно ему незнакомых», - таков посыл А.И. Макшеева. И далее, сравнивая гоголевский город с Устюжной конца 1820-х годов, он находит множество несоответствий: «Никакого попечителя богоугодных заведений не было, по крайней мере в таких городах, как Устюжна, потому что не было самих богоугодных заведений. Учитель истории, не только не воодушевлялся в своих рассказах до ломания стульев, но и ничего не рассказывал <...>» [10, 149-150] и т.д. В этих, несколько наивных, рассуждениях о том, что в Устюжне в былые годы не было столь увлекающихся преподавателей и пр., все-таки убедительно показано, что неправильно сопоставлять «сборный город» Гоголя с конкретным населенным пунктом.

В «новгородской» истории Эвальда в некоторых чертах повторилась эта особая комедийная концепция «Ревизора». Вполне возможно, именно это обстоятельство и предопределило характер отзывов журналиста о празднике. Коснемся лишь одного конкретного факта.

Общее заглавие серии очерков Эвальда из «Отечественных записок» («Все и ничего») давало возможность коснуться самых различных сторон современной жизни. При этом отбор событий, достойных описания, спровоцирован физиологическими особенностями автора. Характерно рассуждение о воле как руководителе действий автора (в том числе и писательской деятельности) помещенное в одном очерке этой серии: «Да, читатель (и, разумеется, благосклонный) ожидает от меня описания петербургской жизни... и вместо того получает бог знает какие известия о событиях, неизвестно где случившихся.

А что же мне делать? Я болен. Мой ум болен... Нет. Позвольте, не ум, а сердце... Нет. Нет, не сердце (совсем с толку сбился), а моя воля больна. Вот именно угадал: воля больна. В какой части тела она помещается, я не могу сказать, потому что она перескакивает с места на место: то залезет в голову и заставляет меня думать; то отправится в желудок и возбуждает

аппетит; то опуститься в ноги, начнет их переставлять с места на место, и я бегу, бегу, бегу без оглядки. Капризная воля совершенно овладела мною, как женщина, и из очень почтенного джентльмена сделала просто марионетку. <...>

Вот почему, благосклонный мой читатель, не вините меня, если я не всегда буду говорить о том, что вам интересно: вы видите. В каком я драматико-юмористическом положении нахожусь. Вот вам и немецкая фраза, да что мне делать? Воля захотела поставить глагол на конце – и поставила. Мне остается только то утешение, что не один я страдаю подобной болезнью воли. У меня есть много приятелей, которые хотят делать удивительно прекрасные вещи, а делают такое, что, право, и не разберешь иногда, чего они хотят» [12, 50-51]. Автор представляет из себя не конкретную личность, а своеобразную аллегорическую фигуру на запросы читающей публики: он пытается откликнуться на события, происходящие в обществе и волнующие читателей, и из-за этого оказывается в «драматико-юмористическом положении».

Описав свою «творческую манеру» (подобная «отзывчивость» характерна для фельетонного жанра), автор заводит речь о заслугах, которые должны будут воздать ему потомки после его смерти: «<...>не забудьте поставить мне памятник на месте моего рождения, именно в Мышгороде. Памятник этот должен иметь форму колокольчика, в ознаменование того, что я всю жизнь ничего не делал, как только звонил языком. Наверху этого колокольчика поставьте, пожалуй, крест и подле него плачущую деву, изображающую скорбь всей России, о потере такого прекрасного человека, как я. Крест будет опираться на полушарие, служащее символом того, что я облагодетельствовал полмира. Ниже полушария изобразите аллегорически главные эпохи моей жизни, сведения о которых можете получить во всякой гимназии. Под этими аллегориями изобразите барельефом силуэты всех людей, прямо или косвенно имевших влияние на мое умственное, физическое и сердечное развитие. В числе этих людей главнейшим образом не забудьте автора «Домашней Беседы», поучавшего меня особого рода нравственности, состоявшей в совершенном притуплении мозговых органов. Эта нравственность сделала меня необыкновенно благополучным и навела на мысль, посредством которой я могу теперь облагодетельствовать и вас.

Если вы поставите мне такой памятник, то достойным образом вознаградите за все, что я для вас сделал, и я буду лежать под ним смиренхонько и тихохонько» [12, 53-54]. В этом описании без труда угадывается микешинский памятник, открытый в Новгороде в дни торжеств (В заказной статье «Санкт-Петербургских ведомостей» Эвальд знакомит читателей с «официальной» трактовкой замысла автора памятника, ср.: «Начнем с верхней части памятника.

Назначение ее: выразить характер всего памятника, то есть наглядным образом представить, что он поставлен *именно России*. Следуя обычаю представлять государство в виде женщины, художник не отступил в этом случае от общих понятий. Россию изображает женщина, упавшая на колени перед крестом, символом христианской веры. Ангел с крестом, женщина и держава, на которой они стоят – изображают Россию. Для того же, чтоб эта аллегория не могла быть отнесена ко всякому другому христианскому государству, служат две нижние части памятника, которые своими подробностями объясняют то, что слишком неопределенно выражено верхней частью» [13]).

Предлагая поставить памятник собственной персоне, а не тысячелетнему циклу Российского государства, автор предельно утрирует мысль автора известного монумента. Дело здесь не только в широте охвата событий (вместо колокола – колокольчик, символ того, что «я ничего не делал, а только звонил языком»; вместо важнейших исторических личностей – осмеиваемый журналист В.И. Аскоченский, в описываемое время – редактор газеты «Домашняя беседа»). Важнее то, что автор подчеркивает мысль о том, что памятник водружен в честь «покойного» («я буду лежать под ним смиренхонько и тихохонько»). Сама мысль о создании подобного памятника оказывается, в описании Эвальда, признаком не славы России, а, наоборот, ее конца.

Здесь же упоминается конкретное место рождения автора, где, спустя годы, будет водружен памятник в его честь, - Мышгород. В восприятии устроителей праздника Новгород, куда пришел в свое время Рюрик, стал местом рождения Российского государства. Эвальд же,

образуя неологизм (Мышгород – «мышинный город»; см. у В.И. Даля: «мышь – гнус, <...> плюгавка, поганка, гадина» и т.д. [14, 366]), выстраивает едва ли не кощунственную картину.

Найденный в февральском фельетоне «Отечественных записок» образ приобретет дополнительные, «гоголевские» оттенки в сентябрьской статье журнала, уже полностью посвященной новгородскому празднику. Обратим внимание на ее подзаголовок, отсылающий к известному произведению: «Повесть о том, как Иван Еремеевич и Антон Антонович ездили в Новгород праздновать тысячелетие государства всероссийского, и о том, как они, часто ссорившись за различные убеждения, все-таки остались добрыми приятелями» [15, 143]. Праздничный Новгород описывается журналистом с учетом «миргородской» действительности «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а памятник «Тысячелетию России» сопоставлен с «прекрасной лужей», занимающей «почти всю площадь».

1. ГИАНО. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 2250. Л. 169.
2. Санкт-Петербургские ведомости. – 1862. – № 196. – 8 сентября; №201. – 16 сентября; №212. – 29 сентября.
3. Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1856. – М., 1990.
4. Быстрова С. Новгород в описании журналиста 1860-х годов // Ярославов день. Сборник стихов и прозы. – Великий Новгород, 2012.
5. Воспоминания А.В. Эвальда // Исторический вестник. – 1895. – Октябрь.
6. Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений: В 5 т. – М., 1961. – Т. 4.
7. Кошелев В.А. Пушкинская мысль «Ревизора» // Драма и театр: Сборник научных трудов. VI. – Тверь, 2007.
8. Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Комментарий. – Л., 1971.
9. Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952.
10. Поздеев А.А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Устюжна. Историко-литературный альманах. I. – Вологда, 1992.
11. Аринин В.И. Только в любви... Тайны русских гениев. – М., 2002.
12. Отечественные записки. – 1862. – №2.
13. Эвальд Ар.<кадий> В. Праздник тысячелетия России (От нашего корреспондента) // Санкт-Петербургские ведомости. – 1862. – №201. – 16 сентября.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1956. – Т. 2.
15. Отечественные записки. – 1862. – №9.